

ЛИНГВОДИСКУРСОЛОГИЯ МЕДИА

УДК 81'33

Город как поле боя нарративов: случай екатеринбургской башни*

В. В. Абашев

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 614099, Пермь, ул. Букирева, 15

Для цитирования: Абашев, В. В. (2019). Город как поле боя нарративов: случай екатеринбургской башни. *Медиалингвистика*, 6 (4), 454–466. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.403>

Анализируется реакция городского сообщества на снос недостроенной телевизионной башни в Екатеринбурге. В ходе коллективного сторителлинга по поводу башни как в локальных, так и в общероссийских медиа сформировался обширный архив вербальных и визуальных нарративов о башне и ее роли в жизни города. Анализ архива сфокусирован на двух взаимосвязанных проблемах, проявившихся в конкуренции этих нарративов: гармонизации городских коммуникаций и адекватности технократической рациональности в понимании ценностей городского развития. Парадоксальность екатеринбургского случая состоит в том, что острая полемика инстанций власти, бизнеса и городских сообществ вспыхнула вокруг руины — объекта, «бесполезного» с точки зрения технократической рациональности модернистского урбанизма. Анализ конкурирующих нарративов о башне проводится на основе концепции городских нарративов как конструктивного элемента городской среды. В этой традиции принципиальное значение имеют работы М. де Серто, которые легли в основу городской нарратологии. В опоре на типологию нарративов, предложенную Д. Халверсоном, С. Корманом и Х. Л. Гуддалом, выделены основные мастер-нарративы, которые легли в основу полемики вокруг башни. Если власть апеллировала к городскому сообществу с позицией модернистского нарратива «светлого будущего», то горожане противопоставили этому технократически рациональному нарративу массив личных историй, т. е. нечто иррациональное. Их объединяет мастер-нарратив, который условно можно определить как поэтический. Так, важную роль в обосновании ценности башни сыграл мастер-нарратив величия и тайн мифологизированного советского прошлого. История башни наглядно продемонстрировала столкновение рационального и символического порядков в развитии современного города и проявила ценность и упрямство воображаемого.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-412-590008 р_а «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Вопреки рациональным аргументам власти городское сообщество выступило в защиту «бесполезного» объекта, поскольку башня стала значимым символическим локусом города, генератором городских историй.

Ключевые слова: городские медиа, городские нарративы, сторителлинг, мастер-нарратив.

Постановка проблемы. В статье обсуждается одно из событий жизни современного российского города — случай частный и в то же время имеющий и теоретически, и практически актуальный интерес в контексте новой волны урбанизации в России. В марте 2018 г. в Екатеринбурге снесли превратившуюся в руину недостроенную телевизионную башню. Это событие вызвало столь масштабный взрыв протестной общественной и дискурсивной активности горожан, что его резонанс вышел далеко за пределы локальной повестки, вовлекая в обсуждение судьбы башни и общероссийские, и международные медиа. Масштаб общественных действий и медийной активности в защиту городского недостроя, существование которого, по-видимому, не имело рациональных оснований, симптоматичен. Во-первых, конфликт обнажил проблему дефицита понимания между городским сообществом, девелоперами и властью. Между тем гармонизация городских коммуникаций особенно важна сегодня, когда трансформация среды российских городов стала политической задачей и обрела статус национального проекта. Об остроте проблемы свидетельствуют многочисленные конфликты и накал дискуссий, развертывающихся в российских городах вокруг вопросов развития городской среды. Во-вторых, полемика о башне с особой наглядностью предъявила ущербность технократической рациональности в видении города. Порой она идет вразрез с интересами горожан и их стихийным пониманием комфортности городской среды. Таким образом, случай екатеринбургской башни мы рассматриваем как актуализацию двух взаимосвязанных проблем — коммуникативной и урбанистической. Поскольку интересы в сфере общественных коммуникаций выражаются в форме историй, адекватным подходом к обсуждению этих проблем, как нам кажется, может быть взгляд на город в дискурсивно-нарративном ключе.

История вопроса. Вынесенная в заголовок статьи метафора сражающихся в городе нарративов принадлежит Мишелю де Серто [Серто 2010: 120; Certeau 1998: 143]. В эссе «Ghosts in the City» (1983)¹, на которое мы преимущественно будем опираться, а также в других работах (например, «По городу пешком») Серто предложил продуктивный подход к изучению города с точки зрения городских нарративов. Выступая против модернистского подхода к городскому планированию [Вахштайн 2014] в пользу более демократичной политики развития, Серто сделал акцент на ценности городских дискурсивных практик. В городских нарративах он увидел «мощный инструмент» обживания города, то измерение человеческой жизни и деятельности, которое и делает город livable [Certeau 1998: 142] — удобным для жизни или, как было бы точнее сказать по-русски, уютным. Городские нарративы, настаивал Серто, «воздействуют [на город] с непостижимым размахом», именно

¹ Далее мы будем пользоваться как русским переводом этого текста [Серто 2010], так и английским [Certeau 1998], поскольку в русском переводе (в целом к нему нет претензий) не вполне точно, как нам кажется, переданы отдельные смысловые нюансы, важные для понимания мысли Серто.

они мало-помалу «превращают различные места в кафе, офисы и жилые здания», делая город «правдоподобным» и обжитым. Нарративы, по Серто, «создают иное измерение [города], то фантастическое, то преступное, то страшное, а то легитимирующее» [Серто 2010: 120]. Тем самым «к видимому городу <...> добавляются <...> невидимые города» и, будучи рассказанным, город становится захватывающе интересным: городские нарративы «открывают его для путешествий» [Серто 2010: 120]. С этой точкой зрения был солидарен А. Лефевр, также видевший в рассказах средство производства пространства в его символическом, глубоко переживаемом аспекте [Лефевр 2015: 127]. Сегодня идеи М. де Серто и А. Лефевра стали одной из основ Urban Studies, и понимание, что «города — не чистые листы, а нарративные пространства, в которые вписаны <...> [разнообразные] истории» [Линднер 2008: 71], стало общепринятым.

В отечественной традиции идеи о роли нарративов в жизни города формировались в русле изучения городской семиотики в исследованиях представителей гартуско-московской семиотической школы, прежде всего Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова. Перебирая выражающие его видение города метафоры, Ю. М. Лотман представлял город то кипящим «котлом текстов и кодов», то компьютером, в котором и «план города, [и] наименования улиц, и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как <...> программы <...> генерирующие тексты» [Лотман 1984: 35].

Идеи о конструктивной роли нарратива в коммуникации вышли далеко за рамки академического поля и востребованы в теориях и практиках прикладных областей, в частности стратегических коммуникаций, территориального маркетинга и городского планирования. А размышления Серто о формообразующей роли городских нарративов органично вписались в контекст так называемого «нарративного поворота» в теории городского планирования.

В основе упомянутого «поворота» лежит представление о том, что городское планирование должно быть «включенным в местный контекст, более демократическим, в большей степени совместимым с опытом и ожиданиями локальных сообществ и основанным на знании смысловых слоев, укоренившихся в городе» [Ameel 2016], т. е. опираться на городские нарративы. Поэтому в работах теоретиков нарративного подхода к планированию Джеймса Фрогмортонна [Throgmorton 2003], Леони Сандеркок [Sandercock 2003], Мерлина ван Хальста [Hulst 2012], Кристофа Мейгера и Мэтью Лорана [Mager, Matthey 2015] последовательно отстаивается идея сторителлинга как важного элемента демократического соучастного планирования развития городского пространства. Иными словами, архитекторам и проектировщикам, выстраивающим собственный проектный нарратив, следует опираться на нарративы локального сообщества. Собственно это и имел в виду Мишель де Серто, размышляя о стратегии реновации города: «Места становятся уютными (livable) благодаря историям, которые о них рассказывают. Жить — значит рассказывать истории. Поэтому в задачи любой реновации входит пробуждение или восстановление городских историй» (буквально «рассказывание» — *narrativizing*) [Certeau 1998: 142].

Несмотря на многочисленные работы в области изучения городских нарративов, именно работы Серто (как и Лефевра) представляют эвристически адекватную и актуальную теоретическую основу для взгляда на город в его дискурсивно-нарративном аспекте. В упомянутом выше эссе «Ghosts in the City» Серто обсужда-

ет идеологию реновации Парижа в связи с отношением к особым слоям исторического прошлого в пространстве современного города. В фокусе внимания Серто в этом эссе находятся не памятники, имеющие статус исторического наследия и тем самым защищенные законом. Он обсуждает роль в городе тех осколков и деталей прошлого, которые не охвачены идеологией культурного и исторического наследия и не имеют педагогической ценности музейных экспонатов, и политику отношения к ним. Это не памятники, а скорее туманные цитаты неопределенного прошлого. Серто называет их чужаками, призраками, пришельцами из других не столько исторических, сколько воображаемых миров, незаконно расселившимися в рационально организованном городском пространстве.

Серто рассуждает, чем важны для города подобные не имеющие легитимированной исторической ценности странные места и как относиться к ним, планируя развитие города. Проблемы такого рода как никогда актуальны сегодня для российских городов, вступающих в период реновации. Поэтому предложенный Серто взгляд на подобные «странные» городские места и объекты, к которым относилась и обсуждаемая здесь екатеринбургская башня, представляет эвристическую ценность.

Подобные места и городские объекты Мишель де Серто называл также «легендарными», однако не в смысле их исторической ценности. Это вросшие в городскую ткань обломки прошлого, предназначение которых и язык уже почти забыты, но они порождают легенды и тем самым «проявляют мир воображения города» [Certeau 1998: 135]. «Эти дикие предметы, вынесенные из загадочного прошлого, то же самое для нас, чем для древности были боги, это гении места. [Они] действуют в городской жизни, но не потому, что что-то делают или говорят, а потому что их загадочность молчалива, как и их существование, сокрытое от современности. Их молчаливая замкнутость заставляет людей говорить — она порождает нарративы» [Certeau 1998: 136]. Именно такого рода объектом в Екатеринбурге была недостроенная башня. Поэтому этот случай, запустивший процесс интенсивного городского сторителлинга, эвристически плодотворно рассматривать в намеченной Серто эпистемологической перспективе.

Анализ материала. Вокруг каких зон городских интересов ведется обычно борьба нарративов? Прежде всего это нарративы основания, нарративы героев городского пантеона, нарративы будущего — за ними политические приоритеты, ресурсы, символический капитал. Накал борьбы понятен, например, когда речь идет о выборе нарратива основания города [Сиренов 2018]. Так, в начале 1970-х годов научный исторический нарратив основания Перми [Горовой 1971] проиграл нарративу политически-краеведческому [Назаровский 1992], и город стал отсчитывать свое начало не с 1781 г., как считали весь XIX и первую половину XX в., а с 1723 г. В итоге в 1973 г. Пермь отметила 250-летие, а в 2023 г. отметит 300-летие.

Круглый юбилей крупного города касается государственной политики, серьезных финансовых ресурсов, не говоря уже о символическом капитале. Но в случае, который мы рассматриваем, борьба городских нарративов развернулась вокруг «бесполезного» объекта. Итак, 23 марта 2018 г. в Екатеринбурге была обрушена недостроенная телевизионная башня. Почти 30 лет она простояла в центре города монументальной двухсотдвадцатиметровой руиной, вросла в городскую ткань и казалась горожанам незыблемой вертикалью екатеринбургского ландшафта, сво-

его рода мировой осью этого города. Поэтому неудивительно, что падение башни для екатеринбуржцев стало самым важным событием года даже формально — по статистике запросов в Сети [Яндекс 2018]. Снос вечной руины вызвал в Екатеринбурге невероятный по масштабу взрыв общественных действий и дискурсивной активности горожан. Тысячи жителей столицы Урала отстаивали башню яркими флешмобами и перформансами, рассказывали о ее значении в сотнях историй.

Горожане протестовали против сноса башни, казалось бы, вопреки здравому смыслу. Ведь громадную руину, скажем словами губернатора, сносили ради развития «прекрасного современного города», ради формирования «нормальной городской среды» [Куйвашев 2018а; 2018б], иными словами, во благо самих горожан. Однако рациональный план власти и бизнеса встретил иррациональное сопротивление городского сообщества. Почему? Сегодня, когда задача формирования комфортной городской среды стала частью национального проекта, ответ на этот вопрос важен для осознания гуманитарных проблем городской реновации.

Для понимания ситуации следует сказать несколько слов об истории башни. Ее строительство началось в 1983 г., было остановлено в 1990 и более не возобновлялось. К 2010-м годам стало ясно, что продолжать ее строительство в качестве ретранслятора телевизионного сигнала нецелесообразно и по экономическим, и по технологическим причинам. Руина стала проблемой для городских и областных властей, которая обострилась к 2012 г., когда Екатеринбург вступил в борьбу за право проведения ЭКСПО-2020: ветшающая башня, окруженная пустырем, не украшала город. Тогда губернатор приступил к решительным действиям. В 2012 г. башня с прилегающей территорией была выкуплена из федеральной в краевую собственность. В 2013 г. прошел международный конкурс проектов по реконструкции башни [Конкурс... 2013; Кезина 2013]. Были предложены яркие, но скорее фантастические, чем рассчитанные на реализацию, проектные идеи. Ни одна из них не привлекла внимания инвесторов. Башня по-прежнему торчала в центре города (не так уж неправ губернатор Евгений Куйвашев), как «частично разрушенная бетонная труба, окруженная пустырем» [Куйвашев 2018а]. Сохранение ее в существующем виде в среде жилой застройки в перспективе представляло опасность. Наконец нашелся инвестор. В 2017 г. Уральская горно-металлургическая компания выкупила участок с башней и предложила масштабный инвестиционный проект реновации городского центра. На месте снесенной башни УГМК построит современный комплекс для зимних видов спорта, который можно будет трансформировать в концертное пространство. Вокруг спортивно-концертного комплекса будет развернуто благоустроенное общественное пространство для отдыха горожан [Балюк 2018б]. Власть и бизнес совместно выступили с привлекательным и, главное, реальным проектом «светлого будущего».

Однако реакция городского сообщества оказалась, на первый взгляд, неожиданной. Тысячи активных горожан выступили против решения УГМК и поддержавшего собственников губернатора. О перипетиях борьбы вокруг башни несколько месяцев писали местные и федеральные СМИ, сообщениями о башне были заполнены социальные сети. Для понимания эмоционального фона приведем сжатый обзор событий (см., также: [Балюк 2018а]). Одним из ярких выступлений в защиту башни стало неоднократно повторенная зрелищная лазерная проекция. Башню анимировали, проецируя на ее ствол вызывающие к горожанам надписи («Я живая»,

«моябашня», «I am Yekaterina»), а также динамические изображения: пульсирующее сердце и ящерицу как эмблему бажовского Урала [Баталова 2018б; Исакова 2018]. Сторонники сноса башни устроили вблизи ее траурный мемориал в память о погибших экстремалах с фотографиями, черными силуэтами жертв и плакатом: «40 погибших» [Хазинурова 2018].

Накануне сноса прошел флешмоб «Обними башню». Взявшись за руки, около тысячи человек образовали живую цепь, пытаясь замкнуть башню в символическом объятии. Флешмоб завершился запуском синих шаров и дружным скандированием: «Башня, живи!» [Борзова 2018]. В ночь на 23 марта, когда башню уже готовили к взрыву, группа руферов, прорвав охрану, проникла на вершину и водрузила на ней российский флаг [Кураева, Гирш 2018]. После взрыва с башней прощались как с ушедшим из жизни близким человеком. К месту сноса горожане возлагали цветы и зажигали поминальные свечи. «Все это напоминало поминки», — отмечали наблюдатели [Анчугов 2018].

Предметом нашего интереса в истории со сносом башни является ее дискурсивный аспект. Благодаря локальным медиа в обсуждение pro и contra башни включились тысячи горожан, от местных политических лидеров до руферов. Губернатор Е. Куйвашев в своем аккаунте в «Инстаграме», меняя интонации от наступательной до полуизвиняющейся, объяснял горожанам необходимость сноса башни и доказывал, что это единственное разумное решение, хотя оно и нарушает привычный для горожан городской ландшафт [Куйвашев 2018а; 2018б]. Мэр города Евгений Ройзман на своем канале в YouTube полемицировал с губернатором, обвиняя его в пренебрежении мнением городского сообщества [Ройзман 2018].

С середины января, когда решение о сносе башни было окончательно принято, в «Фейсбуке» началась акция коллективных воспоминаний под хештегом *моябашня*. Пользователи «выкладывали фотографии и [рассказывали] ностальгические истории, связанные с легендарным свердловским недостроем» [Дюмаева 2018]. От записи к записи формировался архив личных историй екатеринбургцев об их отношениях с башней, о роли, которую она сыграла в их жизни [Баталова 2018а]. В локальных и общероссийских медиа появились развернутые досье, систематизировавшие материалы об истории екатеринбургской башни и насыщенные рассказами о ней [Бабушкина 2018; Распопов 2018; Комаров 2018; Трускова 2018]. Наконец, история башни получила международный резонанс. В октябре 2018 г. состоялся релиз документального фильма телеканала «Discovery», посвященный истории заброшенной екатеринбургской башни: «Tower of Death» [Mysteries of the Abandoned 2018].

Снос башни, как видим, пробудил воображение города. В ходе коллективного и (благодаря современным медиа) массового сторителлинга в воспоминаниях о башне, в обсуждениях ее истории и судьбы, ее тайн сложился обширный архив личных и коллективных историй. Такой взрыв нарративной энергии, вызванный судьбой башни, представляет, на наш взгляд, далеко не локальный интерес. История башни кажется симптоматичной, поскольку в ней проявились существенные особенности самосознания городского сообщества и в целом города как пространственного феномена культуры, в котором символическое измерение оказалось не менее важным для горожан, чем материальное.

Описание методики исследования. Не ставя целью анализ многочисленных нарратологических концепций, определим, что мы имеем в виду, говоря о наррати-

ве. Следуя традиции П. Рикера, под нарративом мы понимаем способ вербальной организации элементов опыта — событий, впечатлений, переживаний, идей... По Рикеру, нарративизируя опыт, мы располагаем его элементы во временной последовательности. Причем течение во времени сопрягается с изменением состояния и появлением нового, что придает нарративу объединяющий смысл — житейского урока, морали, политической позиции и т. п. Нарратив телеологичен.

Поскольку принцип нарративности объединяет самый широкий спектр текстов, то, как правило, предлагается внутренняя типология нарративов не столько по их количественной характеристике, сколько по функционально семантической роли. В этой связи технологичной нам представляется модель типологии нарративов, предложенная исследователями центра стратегических коммуникаций Университета Аризоны Д. Халверсоном, С. Корманом и Х. Л. Гуддалом. В работе о нарративах исламистского экстремизма они предложили использовать в прикладных исследованиях по коммуникациям иерархию следующих от общего к частному повествовательных структур: 1) мастер-нарративы, 2) нарративы и 3) собственно истории [Halverson, Corman, Goodall 2011: 13–15]. Упрощая предложенную модель, мы будем различать 1) мастер-нарратив и 2) нарратив (или историю) как общее и особенное, правило и случай. В предложенной терминологической диспозиции мастер-нарратив играет роль общей схемы, образец для множества частных нарративов и историй. Лежащий в основании частных историй мастер-нарратив представляет повторяющуюся схему повествования. Не просто схему, а формулу организующего смысла. Наглядный пример такого мастер-нарратива — сакраментальная метафора «корабля, вернувшегося в родную гавань после тяжелого, длительного, изнурительного плавания» [Путин 2014].

Результаты исследования. В результате анализа дискурсивной истории башни выявлено несколько ведущих мастер-нарративов. Отстаивая необходимость сноса руины, власть и бизнес опирались на типичный модернистский мастер-нарратив «светлого будущего» [Вахштайн 2014]: необходимо пожертвовать инерцией привычки ради созидания прекрасного города, который оправдает все потери. «В этом году в Екатеринбурге произойдет историческое событие, — анонсировал планы губернатор, — застройщик собирается снести недостроенную телебашню. Я знаю, что вокруг этого решения много споров и дискуссий. <...> Я понимаю, что многие горожане росли рядом с недостроенным, всю жизнь они смотрели на башню и привыкли к ней. Выражу свое мнение: все-таки это нелепо — иметь в центре прекрасного современного города частично разрушенную бетонную трубу, окруженную пустырем. Ведь <...> это красивейшее место: самый центр города, рядом река, два парка. Очень хочется, чтобы оно перестало быть “зоной отчуждения” и вернулось к горожанам. <...> Я всегда за созидание. Но в данном случае, чтобы создать, сначала нужно будет избавиться от старого. Жалко ли башню? Я <...> сам к ней привык. Но не сомневаюсь, через несколько лет, когда строительство нового комплекса будет завершено, свердловчане скажут: “И ведь действительно стало намного лучше”» [Куйвашев 2018а]. Как видим, позиция бизнеса и власти имела ясно выраженное рациональное обоснование — техническое, градостроительное, экономическое и, наконец, гуманитарное: башню сносили, чтобы вернуть город горожанам.

Почему горожане выступили против очевидного блага реновации? Разумеется, протест опирался и на столь же, как и власти, типичный политический мастер-нар-

ратив об антидемократическом порядке принятия решений без общественного обсуждения, о скрытых корыстных интересах власти. Наиболее развернуто в этом ключе интерпретировал события мэра Екатеринбурга Е. Ройзман [Ройзман 2018]. И все же политические мотивы не играли в этой борьбе нарративов решающей роли.

В этом смысле характерно, как объяснил мотивы своих действий один из рупоров, участвовавших в символическом захвате башни. Начал он свой рассказ с политической декларации: «Мы <...> против того, что определенные люди решают, что с городом происходит, а не его жители. Мы считаем, что это должно <...> обсуждаться народом». Но далее молодой человек перешел к другой истории, личной: «Я давно хотел это сделать, чуть ли не с детства, а тут ее [башню] сносят завтра, и у меня последняя возможность была осуществить свою мечту. Я это сделал» [Гейн 2018]. Как видим, отчаянная акция была продиктована не столько протестными мотивами, сколько тем, что присутствие башни в городе воспринималось молодым человеком как возможность испытать себя. Как и для множества других горожан, прощавшихся с башней. Именно в этой функции — как место инициации — башня выступает в романе О. Славниковой «2017». Словом, технократически рациональному модернистскому нарративу власти о светлом будущем, о созидании нового города горожане противопоставили нечто иррациональное — сотни историй о месте башни в личной памяти, имеющих в основе поэтический мастер-нарратив.

Суть этой нарративной стратегии емко описал журналист Дмитрий Колезев: «Жаль башню. Эта эмоция сильнее рациональных аргументов “за” и “против” сноса; она сильнее собственных попыток разобраться и понять, так ли нужна городу старая недостроенная башня? Эмоция эта естественна: когда нечто огромное, основательное, двухсотметровое находится рядом с тобой буквально всю жизнь <...> начинаешь воспринимать это как неотъемлемую часть мира. <...> Это привязанность, которая работает на биологическом уровне <...> И как бы настойчиво разум ни повторял, что у Башни нет чувств, эмоцию эту не перебить. После взрыва многие горожане почувствовали, будто выгнали из дома старую бесполезную родственницу, будто предали кого-то, нуждавшегося в нашей заботе, пусть это и звучит совершенным безумием. <...> Конечно, город повздыхает и будет жить дальше. Будут и новые символы. <...> А башня останется в нашей памяти как нечто странное, нелепое, абсурдное — и нежно любимое» [Колезев 2018].

Существование екатеринбургской башни не имело бесспорных рациональных обоснований — экономических, политических, технологических или историко-культурных. Но реакция горожан на ее снос показала, что в жизни города необходимы места, чье существование кажется бесполезным и иррациональным. Серто называл их метафорически призраками, Анри Лефевр — «пространствами репрезентации» и видел в них источники работы поэтического воображения. Пространство современного города, как замечал А. Лефевр, «видится двояким», и хотя оно «является рациональным, государственным, бюрократическим», одновременно город «содержит множество сакральных и проклятых локусов <...> изобилующих фантазмами и фантазмагориями» [Лефевр 2015: 228]. Это места, которые питают непрекращающийся поток городских историй, слухов и анекдотов, ткущих нарративное тело города.

Такого рода легендарным местом в Екатеринбурге была руина телевизионной башни. Ее «молчаливая замкнутость, — скажем словами Серто, — заставляла людей говорить, она порождала нарративы» [Certeau 1998: 136]. Помимо опоры

на глубокую мифопоэтическую традицию, мощная суггестия башни коренилась в стремительно мифологизирующемся советском прошлом. Один из продуктивных мастер-нарративов башни интерпретирует ее как памятник величия и тайн уже легендарной советской империи. Этот нарратив обнаруживает себя в выступлении Е. Ройзмана: «Ощущение такое, что когда-то были великаны, [они] оставили после себя вот эти гигантские сооружения, а пришли карлики, которые все это рушат» [Ройзман 2018]. В том же ключе воспринял снос башни Павел Гнилорыбов, увидевший в ней символ «роста и резкого надлома советского проекта»: «Это монумент эпохе, надорвавшейся и не рассчитавшей свои силы» [Гнилорыбов 2018]. В том же ключе построен рассказ о башне в фильме «Tower of Death» телеканала «Discovery». По словам автора сценария журналиста Джима Мейгса, башня проектировалась как «реальное физическое воплощение превосходства советской системы» [Mysteries of the Abandoned 2018].

Богатые возможности этого мастер-нарратива реализованы в сценарии игры в жанре фантастических приключений «The Tower VR», которую разрабатывает екатеринбургская IT-компания «Tengo Interactive». Согласно сюжету, в 1991 г. советские ученые физики проводили на башне революционные эксперименты по перемещению во времени. В ходе испытаний установки случилась авария. Ученые застряли в образовавшейся временной аномалии, а в районе телебашни начались катаклизмы, угрожающие всему городу, а возможно, и всему миру. Герою игры предстоит забраться на вершину башни, починить установку и спасти ученых, но «маршрут до вершины, — как обещают разработчики, — превратится [для игрока] в <...> головокружительный трехмерный квест» [The Tower VR]. Работа над игрой началась до сноса телебашни, но теперь она станет сильным художественным ответом на уничтожение легендарного источника городских нарративов. «Это была наша башня, — рассказывает директор компании Г. Родионов. — Брутальная, опасная, окутанная кучей легенд. Мы просто не могли не вдохновиться ее обликом и историей. <...> Башню уничтожили по решению властей. И мы осознали, что наша игра стала для нас еще ценней. Ведь теперь это единственное место во вселенной, где башня продолжает жить. И где ее никто не сможет разрушить» [The Tower VR]. В этом эмоциональном комментарии сделан важный акцент на роли городских нарративов в экологии городской культуры: они аккумулируют память города. И в этом отношении башня продолжает жить. Годовщина ее сноса была отмечена горожанами обширной серией художественных акций, еще более укоренивших ее в памяти города.

Выводы. Анализ случая екатеринбургской башни позволяет сделать несколько выводов, имеющих значение как для городских исследований (Urban Studies), так и для коммуникативной политики города. Во-первых, накал страстей вокруг «бесполезного» объекта продемонстрировал ущербность технократически рационального понимания комфортной городской среды. Существенным компонентом комфортной городской среды для горожан является ее насыщенность поэтико-символическими ассоциациями. Поэтому, определяя право на жизнь того или иного элемента городской среды, мы должны учитывать не только его легитимированный культурно-исторический статус, но и живой нарративный потенциал.

Во-вторых, исследование городских нарративов не только представляет научный интерес, но и имеет существенное прагматическое значение для более аде-

кватного городского планирования. Наконец, оптимизация общественных коммуникаций власти, бизнеса и городских сообществ нуждается в опоре на мониторинг городских нарративов.

Литература

- Вахштайн, В. С. (2014). Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, 2, 9–38.
- Горовой, Ф. С. (1971). О дате основания города Перми (к вопросу о датах основания городов как исторических памятниках). В *Уральский археографический ежегодник за 1970 год* (с. 106–121). Пермь: Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. Москва: Strelka Press.
- Линднер, Р. (2008). Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике. В *Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике*. Сборник статей (с. 69–75). Москва: НЛЮ.
- Лотман, Ю. М. (1984). Символика Петербурга и проблемы семиотики города. В *Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам 18. Петербург* (с. 30–45). Тарту: Тартуский госуниверситет. (Ученые записки Тартуского государственного ун-та. Вып. 664).
- Назаровский, Б. Н. (1992). Некоторые вопросы истории города. В *Пермский край. Старая Пермь (1723–1917)* (с. 16–41). Пермь: Перм. кн.
- Серто, М. (2010). Призраки в городе. *Неприкосновенный запас*, 2 (70), 108–121.
- Сиренов, А. В. (2018). О феномене удревления городов в России постсоветского периода. *Историческая экспертиза*, 4 (17), 185–193.
- Ameel, L. (2016). Narrative Mapping and Polyphony in Urban Planning. *Yhdyskuntasuunnittelu. The Finnish Journal of Urban Studies*, 54 (2). Электронный ресурс <http://www.yss.fi/journal/narrative-mapping-and-polyphony-in-urban-planning/>.
- Certeau, de M. (1998). Ghosts in the City. In Certeau, de M., Giard L., Mayol P. *The Practice of Everyday Life. Vol. 2: Living and cooking* (pp. 133–144). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Halverson, J., Corman, S., Goodall, H. L. (2011). *Master Narratives of Islamist Extremism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hulst, M. (2012). Storytelling, a model of and a model for planning. *Planning Theory*, 11 (3), 299–318.
- Mager, C., Matthey, L. (2015). Tales of the City. Storytelling as a contemporary tool of urban planning and design. *Articulo: Journal of Urban Research, Special issue 7: Tales of the City*. Электронный ресурс <https://articulo.revues.org/2779>.
- Sandercock, L. (2003). Out of the Closet: The Importance of Stories and Storytelling in Planning Practice. *Planning Theory & Practice*, 4 (1), 11–28.
- Throgmorton, J. A. (2003). Planning as persuasive storytelling in a global-scale web of relationships. *Planning Theory*, 2 (2), 125–151.

Источники

- Анчугов, С. (2018). В Екатеринбурге устроили поминки по телебашне. *Наша газета*, 24 марта. Электронный ресурс <http://m.ngzt.ru/news/view/18806> (дата обращения: 17.09.2018).
- Бабушкина, Е. (2018). «Я строил телебашню, которую скоро взорвут». *The Village*, 18 января. Электронный ресурс <https://www.the-village.ru/village/city/ustory/298476-tv-tower>.
- Балюк, О. (2018а). Как екатеринбуржцы защищали недостроенную телебашню, которую должны снести завтра. *Znak*, 23 марта. Электронный ресурс https://www.znak.com/2018-03-23/kak-ekaterinburzhcy_zachichali_nedostroennuyu_telebashnyu_kotoruyu_dolzheny_snesti_zavtra.
- Балюк, О. (2018б). Капля металла, кусок камня или шишка. *Znak*, 29 мая. Электронный ресурс https://www.znak.com/2018-05-29/ugmk_pokazala_varianty_ledovoy_areny_na_meste_nedostroennoy_telebashni_v_ekaterinburge.
- Баталова, А. (2018а). «Башня стала моим маяком»: екатеринбуржцы вспоминают, как покоряли заброшенную телевышку. *E1.RU.Екатеринбург Онлайн*, 22 января. Электронный ресурс https://www.e1.ru/news/spool/news_id-485792.html.
- Баталова, А. (2018б). Недостроенная телебашня у цирка «заговорила» световыми надписями. *E1.RU.Екатеринбург онлайн*, 25.01.2018. Электронный ресурс https://www.e1.ru/news/spool/news_id-485878.html.

- Борзова, В. (2018). «Help me!» Жители Екатеринбурга пришли «обнять» телебашню... *НаканунеRU*, 22 марта. Электронный ресурс <https://www.nakanune.ru/news/2018/03/22/22502017/>.
- Гейн, А. (2018). «Мы против, что определенные люди решают, что происходит с городом...» (интервью с рупером Владимиром). *Znak*, 23 марта. Электронный ресурс https://www.znak.com/2018-03-23/rufer_na_ekaterinburgskoy_telebashne_o_tom_kak_i_zachem_oni_shturmovali_vyshku.
- Гнилорыбов, П. (2018). Я расстроюсь, если калининградцы снова не покрасят яйца борющимися зубра (интервью И. Маркову). *Комсомольская правда. Калининград*, 21 сентября. Электронный ресурс <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26884/3928975/>.
- Дюмаева, С. (2018). Моя башня: какой в Екатеринбурге запомнят недостроенную телебашню. *The Village*, 22 января. Электронный ресурс <http://www.the-village.ru/village/city/comments/299016-moyabashnya>.
- Исакова, С. (2018). «Я живая»: на недостроенной телебашне в Екатеринбурге появились лазерные надписи, ящерики и сердце. *E1.RU.Екатеринбург онлайн*, 13 марта. Электронный ресурс https://www.e1.ru/news/spool/news_id-53644531.html.
- Кезина, Д. (2013). Телебашню превратят в Green Hill Park. *Российская газета*, 26 сентября. Электронный ресурс <https://rg.ru/2013/09/26/reg-urfo/proekt-anons.html>.
- Колезев, Д. (2018). «Для екатеринбуржцев день все-таки исторический...» *Анонимный канал Дмитрия Колезева*, 24 марта. Электронный ресурс <https://t.me/kolezev>.
- Комаров, А. (2018). Утраченный шанс: почему не спасли легендарный советский долгострой. *ИА REGNUM*, 25 марта. Электронный ресурс <https://regnum.ru/news/2395728.html>.
- Конкурс по реконструкции телебашни в Екатеринбурге: более 70 проектов (2013). *Информационное агентство REGNUM*, 2 июля. Электронный ресурс <https://regnum.ru/news/1678602.html>.
- Куйвашев, Е. (2018а). В этом году в Екатеринбурге произойдет историческое событие... *Instagram*, 12 января. Электронный ресурс <https://www.instagram.com/p/Bd1hOzPjWkh/?taken-by=evgenyкуывашев>.
- Куйвашев, Е. (2018б). В Екатеринбурге снесли недостроенную телевизионную башню... *Instagram*, 25 марта. Электронный ресурс <https://www.instagram.com/p/Bgvu5fsD9kz/?taken-by=evgenyкуывашев>.
- Кураева, О., Гирш, А. (2018). В Екатеринбурге отстаивают недостроенную телебашню. *Коммерсантъ*, 23 марта. Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/3584321>.
- Путин, В. В. (2014). Выступление на митинге «Мы вместе!» в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации. *Президент России*, 18 марта. Электронный ресурс <http://kremlin.ru/events/president/news/20607>.
- Распопов, П. (2018). Телебашня в Екатеринбурге. История, проекты реконструкции и снос символа города. *Ураловед. Портал знатоков и любителей Урала*, 20 марта. Электронный ресурс <https://uraloved.ru/ekaterinburg/telebashnya>.
- Ройзман, Е. (2018). Снос телебашни. Отмена выборов мэра. О хороших людях. *YouTube: Евгений Ройзман*, 23 марта. Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=RA6PXJlIk&feature=youtu.be>.
- Трускова, М. (2018). Башня смерти: Екатеринбург прощается с кровавым символом 90-х. *ЕАН. Интерактивные новости*, 12 января. Электронный ресурс http://eanews.ru/news/society/Bashnya_smerti_Ekaterinburg_proschaetsya_s_krovavym_simvolom_90-h_12_01_2018/.
- Хазинурова, А. (2018). Возле телебашни, приговоренной к сносу, устроили мемориал. *E1.RU.Екатеринбург онлайн*. 26 января. Электронный ресурс https://www.e1.ru/news/spool/news_id-53436021.html.
- Яндекс: главные события Екатеринбурга в 2018 году (2018). *It's My City*, 10 декабря. Электронный ресурс <https://itsmycity.ru/2018-12-10/yandex-glavnye-sobytiya-ekaterinburga-v-godu>.
- Mysteries of the Abandoned. Tower of Death (2018). *YouTube*, 3 ноября. Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=7oAwCQdWLT8>.
- The Tower VR (2018). *Tengo Interactive*. Электронный ресурс https://tengointeractive.ru/thetower_vr.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2019 г.;
рекомендована в печать 18 июля 2019 г.

Контактная информация:

Абашев Владимир Васильевич — д-р филол. наук, проф.; vv_abashev@mail.ru

The city as the stage for a war of narratives: the case of the Yekaterinburg tower*

V. V. Abashev

Perm State National Research University,
15, Bukireva Street, Perm, 614099, Russian Federation

For citation: Abashev, V. V. (2019). The city as the stage for a war of narratives: the case of the Yekaterinburg tower. *Media Linguistics*, 6 (4), 454–466. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.403> (In Russian)

The article analyzes the reaction of the city community to the demolition of an unfinished TV tower in Yekaterinburg. In the course of collective storytelling about the tower, an extensive archive of verbal narratives was formed. This archive has become the object of analysis focused on the interrelated problems manifested in the competition of narratives about the fate of the tower. These problems represent a harmonization of urban communications and the adequacy of technocratic rationality in understanding the values of urban development. The paradox of the Yekaterinburg case is that a sharp controversy involving the authorities, business and city communities broke out around the ruins — a “useless” object from the point of view of technocratic rationality. The analysis of competing narratives of the tower in the article is based on the concept of urban narratives as a constructive element of the urban environment. The article attempts to highlight the main master narratives that formed the basis of controversy around the tower. While the authorities appealed to the urban community from the standpoint of the modernist narrative of a “bright future,” the citizens opposed this technocratic rational narrative with an array of personal stories. These stories are united by a master narrative, which could be tentatively defined as poetic. An important role in substantiating the value of the tower was played by the master narrative of the greatness and mysteries of the mythologized Soviet past. The history of the tower has clearly demonstrated the clash of rational and symbolic order in the development of the modern city and illustrated the value and persistence of the symbolic. The city community rallied to defend the “useless” object in spite of the authority’s rational arguments since the tower had become a significant symbolic locus of the city, the generator of city stories.

Keywords: urban media, urban narratives, storytelling, urban planning, master narrative.

References

- Ameel, L. (2016). Narrative Mapping and Polyphony in Urban Planning. *Yhdyskuntasuunnittelu. The Finnish Journal of Urban Studies*, 54 (2). Retrieved from <http://www.yss.fi/journal/narrative-mapping-and-polyphony-in-urban-planning/>.
- Certeau, de M. (1998). Ghosts in the City. In Certeau, de M., Giard L., Mayol P. *The Practice of Everyday Life. Vol. 2: Living and cooking* (pp. 133–144). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Gorovoi, F. S. (1971). On the date of foundation of the city of Perm (To the question of the dates of the founding of cities as historical monuments). In *Ural'skii arkhograficheskii ezhegodnik za 1970 god* (pp. 106–121). Perm: Perm' State Univ. Publ. (In Russian)
- Halverson, J., Corman, S., Goodall, H. L. (2011). *Master Narratives of Islamist Extremism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hulst, M. (2012). Storytelling, a Model of and a Model for Planning. *Planning Theory*, 11 (3), 299–318.
- Lefevr, A. (2015). *The production of space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian)
- Lindner, R. (2008) Texture, imaginary, habitus: key concepts of cultural analysis in urban planning. In *Own logic of cities. New approaches in urbanism*. Collection of papers (pp. 69–75). Moscow: NLO. (In Russian)
- Lotman, Iu. M. (1984). Symbols of Petersburg and the problems of semiotics of the city. Semiotics of a city and city culture: Petersburg. In *Proceedings on sign systems 18. Semiotics of the city and urban culture. Petersburg* (pp. 30–45). Tartu: Tartu State Univ. Publ. (In Russian)

* The study was carried out with the financial support of the RFBR project № 18-412-590008 p_a “New urban media in the local communication space”.

- Mager, C., Matthey, L. (2015). Tales of the City. Storytelling as a Contemporary Tool of Urban Planning and Design. *Articulo: Journal of Urban Research, Special issue 7: Tales of the City*. Retrieved from <https://articulo.revues.org/2779>.
- Nazarovskii, B. N. (1992). Some questions about the history of the city. In *The Perm region. Old Perm (1723–1917)* (pp. 16–41). Perm': Perm' book Publ. (In Russian)
- Sandercock, L. (2003). Out of the Closet: The Importance of Stories and Storytelling in Planning Practice. *Planning Theory & Practice*, 4 (1), 11–28.
- Serto, M. (2010). Ghosts in the city. *Neprikosnovennyi zapas*, 2 (70), 108–121. (In Russian)
- Sirenov, A. V. (2018). The phenomenon of changing the dates of the founding of cities in Russia in the post-soviet period. *Istoricheskaia ekspertiza*, 4 (17), 185–193. (In Russian)
- Throgmorton, J. A. (2003). Planning as Persuasive Storytelling in a Global-Scale Web of Relationships. *Planning Theory*, 2 (2), 125–151.
- Vakhshain, V.S. (2014). Rebuilding the city: between language and space. *Sotsiologiya vlasti*, 2, 9–38. (In Russian)

Received: April 9, 2019

Accepted: July 18, 2019

Author's information:

Vladimir V. Abashev — PhD, Professor; vv_abashev@mail.ru